

Всероссийский конкурс исследовательских и проектных работ
школьников «Высший пилотаж»

**Оседлые жители Туркестанского края в зеркале ориентализма и постколониализма
(на примере творчества Е. И. Апелевой)**

Исследование

Направление «*Востоковедение*»

2023 г.

Содержание

1. Введение

2. Обзор современных теоретических подходов

3. Материалы и методы исследования

4. Анализ полученных результатов

5. Выводы

6. Список источников и литературы

7. Приложения

Введение

В 2021 г. для школьного музея «Костно» была приобретена редкая книга – изданный в 1935 г. в Шанхае сборник Е. Ардова (Апрелевой) «Среднеазиатские очерки»¹.

Из размещенной на сайте крупного коллекционера М. Дроздова биографии Е. Апрелевой известно, что она родилась в семье высокопоставленного офицера И. Ф. Бларамберга в г. Оренбурге в 1846 г. Позднее из Петербурга уехала за границу, где изучала организацию начального образования в Дрездене и Праге, а с 1872 г. училась в Женевском университете. Спустя два года по состоянию здоровья вынуждена была вернуться в Россию. В 1876 г. вновь уехала за границу и начала литературную деятельность в Париже.

Известно, что она была знакома с выдающимися современниками. Так, например, литературным творчеством ее уговорил заняться сам И. С. Тургенев, который и придумал будущей писательнице псевдоним, сложив его из букв фамилии своей музы Полины Виардо.

После замужества Елена Ивановна Апрелева уехала с мужем на 15 лет в Туркестанский край, где жила сначала в Самаркандской области, а позже в Ташкенте. В это время она сотрудничала с газетой «Русские ведомости», в которой периодически печаталась.

В 1898 г. ее пьеса «Битые черепки» с успехом шла в Санкт-Петербурге.

Из Ташкента семья Апрелевых выехала в имение мужа недалеко от г. Сочи, где тот был убит в 1906 г. Это событие подорвало здоровье Елены Ивановны, которая ослепла и почти перестала писать. После революции 1917 г. в 1920 г. она выехала в Сербию, где и умерла в 1923 г.

«Потеряв надежду вернуться на родину, Елена Ивановна Апрелева, неустанно работала, насколько позволяло ей это ослабевшее зрение, над приведением в порядок своих произведений, которые она мечтала издать за границей и до конца своих дней сохранила бодрость, энергию и непоколебимую веру в грядущее возрождение России»².

Биографический словарь русских писателей дополняет. В 1854 г. семья Бларамбергов переехала в столицу, где в 1868 г. Елена Ивановна получила звание домашней учительницы в Петербургском университете. И в это время стала сотрудничать с образовательными журналами и журналом «Русская старина». А перед поездкой в Париж, будучи в Москве, познакомилась с А. Ф. Писемским. Во французской столице жила в доме Виардо, где закончила роман «Без вины виноватые», изданный при помощи И. Тургенева, «раскрывающий душевную драму молодой женщины – жертвы родительского и супружеского эгоизма»³.

¹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. Шанхай: тип. издат. Слово. 220 с.

² Апрелева Елена Ивановна (Ардов Е.). – Режим доступа: <https://russianemigrant.ru/book-author/aprelevalena-ivanovna-ardov-e> (дата обращения – 15.11.2023).

³ Ардов // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 102.

Вернувшись в Россию, начала работу в «Русских ведомостях». В Москве завела знакомство с крупными деятелями культуры, среди которых был И. Е. Репин, использовавший Е. Блаرامберг в качестве натурщицы для образа царевны Софьи⁴ (картина «Правительница царевна Софья Алексеевна через год после заключения её в Новодевичьем монастыре во время казни стрельцов и пытки всей её прислуги в 1698 году», 1879 г.). Такую точку зрения высказал искусствовед И. Зильберштейн⁵. В альбоме, выпущенном Третьяковской галереей в 2019 г., в качестве рабочего материала к картине приведен рисунок портрет В. С. Серовой⁶. Однако известно, что на выставке И. Репина в Петербурге в 1891 г. экспонировался этюд № 187 «К царевне Софии (Е. И. Бларамберг–Ардова)⁷». Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи свидетельствует о неизвестном местонахождении этого этюда⁸.

Активную писательскую и публицистическую деятельность Елена Ивановна продолжила, вернувшись в столицу.

Энциклопедия писателей сообщает, что, находясь в Туркестане, Е. Апрелева в газете «Русские ведомости» опубликовала ряд очерков, отражающих ее впечатления от местной жизни⁹.

Эта информация вызывает несколько гипотез.

1. В сборник «Среднеазиатские очерки» вошли переработанные очерки, ранее опубликованные в «Русских ведомостях».

2. Различия в текстах свидетельствуют об изменившейся точки зрения автора на одни и те же явления жизни коренного населения Туркестанского края.

Эти гипотезы определяют методологию исследования.

Объект исследования – литературное творчество Е. И. Апрелевой.

Предмет исследования – образ коренного оседлого населения Туркестанского края.

Целью исследования является выявление динамики образа коренного населения Туркестанского края в творчестве Е. И. Апрелевой.

Задачи исследования:

1. Выявление образа коренного оседлого населения Туркестанского края (сартов) в сборнике Е. И. Апрелевой «Среднеазиатские очерки».

⁴ Апрелева Елена Ивановна (Ардов Е.). – Режим доступа: https://russianemigrant.ru/wp-content/uploads/2014/01/455px-Serova_by_Repin.jpg (дата обращения – 15.11.2023). Приложение А.

⁵ Зильберштейн И. С. Утраченные портреты писателей работы Репина. Огонек. 1950. № 40.

⁶ Илья Репин. / Гос. Третьяковская галерея. М., 2019. С. 406.

⁷ Опечатка. Должно быть: Е. И. Бларамберг–Ардов. Каталог выставки картин, портретов, эскизов и этюдов И.Е. Репина в 1891 г. СПб., 1891. Ардов. С. 4.

⁸ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия, Живопись XVIII–XX веков. Т. 4, кн. 2: Живопись второй половины XIX века. Н-Я. М.: Красная площадь, 2006. С. 189.

⁹ Ардов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1 / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 103.

2. Выявление различий в тексте одного и того же очерка Е. Апрелевой, опубликованного в газете «Русские ведомости» и в сборнике «Среднеазиатские очерки».

3. Интерпретация выявленных различий.

Хронологические рамки исследования включают два периода, обусловленных кардинальным изменением геополитической ситуации. В первый период – с 1890-х по 1910-е гг., когда Е. И. Апрелева впервые опубликовала свои очерки о Средней Азии в газете «Русский вестник», она жила и писала в Российской империи, часть которой был Туркестанский край. Во второй период – с 1920 по 1923 г. – Е. Апрелева проживала в Сербии и редактировала свои прежние тексты в условиях гибели империи и появления нового Советского государства, которое еще вело борьбу за включение Средней Азии в свой состав.

Территориальные рамки исследования – Туркестанский край (Туркестанское генерал-губернаторство), в состав которого в период создания очерков (1890–1910) входили Закаспийская, Самаркандская и Семиреченская области, на территории которых побывала или проживала Елена Ивановна Апрелева.

Обзор современных теоретических подходов

История заимствовала понятие образа из арсенала литературоведения и философии¹⁰. При этом история и литература «предлагают читателю образы, а не точные копии (отражения) реальной действительности. Такие образы имеют одну общую цель — содействуют познанию человеком окружающего мира, утверждению в нем»¹¹.

Однако, следует иметь в виду, что у историй, рассказанных человеком, а следовательно, и у образов, им созданных, в разное время могут быть различные адресаты¹². Это тем более важно, что первый вариант своих очерков Е. Апрелева создавала в 1890–1910-е гг., в период существования довольно стабильных отношений центра Российской империи с ее окраинами, а второй вариант – уже после ее падения. Поэтому у каждого из этих литературных блоков были (или предполагались) разные читатели.

Работа с образами Востока, созданными европейцами, обуславливает обращение к концепции ориентализма Э. Саида¹³. «Под термином “ориентализм” американский ученый подразумевал особый подход, выраженный в отношении западной цивилизации к восточной, основанный на представлении Запада о Востоке... Согласно этой концепции, вступая в отношения с Востоком, Запад руководствовался не столько его презентацией (адекватным

¹⁰ Ковтунова Ю. Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 91.

¹¹ Цит. по: Ковтунова Ю. Р. Образ как объект исторического исследования. С. 91.

¹² Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. Самара: Книга, 2011. С. 11.

¹³ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.

отражением), сколько его репрезентацией, т.е. образом, сконструированным самим Западом и для своих нужд. Можно сказать, что Восток, согласно такой установке, есть не сам по себе Восток, а то, что о нем думает Запад»¹⁴.

Использование ориентализма как инструмента для анализа позволяет обратить внимание на ощущение цивилизационных различий, на природу, а иногда и цели, конструирования образа.

В качестве инструмента в контексте поставленных задач представляет интерес и постколониализм, но не как описание или исследование реалий, наступивших после колониального периода, а как отход от колониализма¹⁵. В отношении к нашей исследовательской проблеме это означает смену образа прежде «колонизированного» народа. Точнее, изменение точки зрения изнутри (колониального периода) на точку зрения извне, точнее пост. Эта позиция ближе всего к точке зрения Гаятри Ч. Спивака, которого интересовали проявления колониального сознания в бывших метрополиях¹⁶. Следует отметить, что проблематику колониализма можно лишь условно применять к Туркестанскому краю, который не был колонией империи в классическом понимании, а являлся национальной периферией Российской империи, которая находилась на пути к полной интеграции в имперское пространство¹⁷.

Материалы и методы исследования

Источниками исследования являются очерки Елены Ивановны Апрелевой, опубликованные в газете «Русские ведомости» в 1890–1910-х гг.

Из библиографической справки, размещенной на портале Государственной публичной библиотеки России, известно, что газета, основанная литератором Н. Ф. Павловым, издавалась в Москве с 1863 по март 1918 г. С 1868 г. выходила ежедневно. В разное время в ней публиковались произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Е. Салтыков-Щедрин,

¹⁴ Васильев Д. В. Классический пример ориентализма. Мемуары К. К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в Туркестанском крае // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4 (28). С. 87.

¹⁵ Lützel Paul Michael. From Postmodernism to Postcolonialism. On the Interrelation of the Discourses [перевод]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.be384d9d-65815726-ebd8c84e-74722d776562/https/www.inst.at/trans/11Nr/luetzeler11.htm (дата обращения - 15.11.2023).

¹⁶ Пономарев Е. Р. Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (дата обращения - 15.11.2023).

¹⁷ Васильев Д. В. Центрально-Азиатский регион Российской империи: общность внутренней политики через идентичность законодательной практики // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 147-156.

В. А. Гиляровского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. К. Михайловского, П. И. Чайковского и других¹⁸.

Среди размещенных на портале библиотеки годовых комплектов газеты за 1903, 1904 и 1905 гг. обнаружены написанные в Ташкенте очерки «Заметки маленького человека» (1905, № 49, 56, 60) и «У Алексея Феофилактовича Писемского» (1905, № 97, 101)¹⁹. Первый очерк, хоть и касается описания повседневности жителей Туркестанского края, но не включен в сборник «Среднеазиатские очерки», а второй – воспоминания автора о знакомстве с известным писателем. Обе публикации не позволяют решить поставленные задачи, а потому пришлось обратиться к комплектам газеты за другие годы.

Полный комплект «Русских ведомостей» хранится в Отделе газет Российской государственной библиотеке. Из-за огромного массива материала поиск велся до первой газетной публикации, которая вошла в сборник очерков. Были последовательно просмотрены все выпуски газеты, начиная с 1891 г., то есть со времени, когда Е. Апрелева по прибытии в Туркестанский край могла посылать очерки для публикации в газете.

Работу можно было бы сократить, опираясь на указатели, содержащиеся в каждом последнем выпуске газеты за год. Но, как показала практика, не все публикации обязательно учитывались в указателях. Самый важный для нас очерк «Саиль» не попал в указатель за 1896 г.

В 1891 и 1892 гг. не было опубликовано ни одной работы Е. Апрелевой. В 1893 г. газета напечатала эскиз «Мороз стучит» (№ 2) и рассказ «Найденыш» (№ 195, 199), написанные в Самарканде. В 1894 г. – эскиз «Супруги» (№ 314, 318). В 1895 г. – эскиз «Она приехала» (№ 6, 7), написанный в урочище Гуримар в отрогах Тянь-Шаня. В 1896 г. – эскиз «Егор Егорович» (№ 76, 82) и, наконец, очерк «Саиль» из Самарканда (№ 112)²⁰. Все произведения, кроме последнего, не касаются повседневности коренного населения Туркестана, а потому не рассматриваются в рамках этого исследования.

Основным же источником стал сборник Е. И. Апрелевой «Среднеазиатские очерки». Имеющийся в музее экземпляр книги дефектный. Он помещен в профессиональный переплет со следами каталожного номера библиотеки на корешке. Внутри книги на с. 5 и с. 17 имеются оттиски штампа библиотеки книгоиздательства «Печатное дело» и инвентарный номер 3654, вписанный черными чернилами²¹. Известно, что библиотечные штампы в любой книге ставятся на с. 17 и на титульном листе. То обстоятельство, что штамп в рассматриваемой книге помещен

¹⁸ Русские ведомости. Москва, 1863–1917. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18938-russkie-vedomosti-moskva-1863-1917-ezhedn> (дата обращения – 15.11.2023).

¹⁹ Приложение Б.

²⁰ Приложение В.

²¹ Приложение Г.

на с. 5 свидетельствует о том, что книга поступила в библиотеку без титульного листа и предшествующих страниц. Применение в штампе (не ранее 1935 г.) дореволюционной графики доказывает, что книга принадлежала библиотеке эмигрантского издательства.

Книга имеет следы бытования – отдельные страницы загрязнены, потертые, имеют следы воздействия влаги.

Утрачены издательские обложки работы художников Б.И.Давыдова²² и Д.С.Четверикова, а также фотография автора (другие фотоиллюстрации в наличии). Отсутствуют первые 4 страницы (предисловие и краткая биография). Титульный восстановлен – копия титульного листа экземпляра из собрания Гавайского университета, о чем свидетельствует оттиск соответствующего штампа²³.

Биография Е. И. Арделева, извлеченная из «Среднеазиатских очерков» (отсутствующие с. 2–5), размещена на сайте коллекционера М. Дроздова²⁴. А фотография – предположительно, в энциклопедии «Русские писатели»²⁵.

Сохранилось предисловие автора (с. 5): «Среднеазиатские очерки». Семнадцать лет в Туркестанском крае дали возможность автору ознакомиться как с природой края и с населением русским: военным и гражданским, так и с туземным, его свечами и обычаями. Предлагая вниманию читателя «Среднеазиатские очерки», автор полагает, что очерки эти рисуют ныне картины прошлого, недалекого, но безвозвратно ушедшего прошлого дивного края, справедливо считавшегося жемчужиной в короне Российской державы. Написано автором в 1923 году в г. Белграде (Югославия)»²⁶.

Между предпоследней и последней фразами помещен автограф «Е. И. Ардов – Арделева». Автограф выполнен собственноручно, о чем свидетельствуют следы нажива, проступающие с оборотной стороны и черные чернила, которыми он выполнен.

Книга отсутствует в каталогах РГБ, РНБ, БАН. Известно, что она хранится в библиотеке Гавайского университета (№ 43)²⁷. Именно это обстоятельство подтолкнуло меня к более близкому знакомству с музейным экспонатом.

Исходя из того, что исследуемые источники являются подлинными (за исключением титульного листа книги), то он не нуждается в дополнительной внешней критике, кроме той, что приведена выше. Очевидно их авторство и время составления.

²² Приложение Д.

²³ Приложение Е. Сведения о том, что полный экземпляр книги находится в собрании Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета, содержатся в каталоге: Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе: каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. Ч. 1 - Москва: Пашков дом, 2015. С. 41.

²⁴ Арделева Елена Ивановна (Ардов Е.). – Режим доступа: <https://russianemigrant.ru/book-author/aprelevalena-ivanovna-ardov-e> (дата обращения – 15.11.2023).

²⁵ Приложение Ж.

²⁶ Ардов Е. (Арделева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 5.

²⁷ Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 41.

Собственно главным исследовательским действием в рамках этого исследования является интерпретация источников, то есть выявление смысла, который автор вкладывал в свои произведения. «На этапе интерпретации источника исследователь как бы движется в потоке сознания автора произведения, стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, замысел произведения, способ воплощения замысла. Это необходимо для того, чтобы выявить заключённую в источнике информацию»²⁸.

Другой использованный метод – анализ содержания источника (выявление авторского отношения к описываемым событиям или явлением через использование характерной лексики, подчеркивание особенностей жизненных проявлений коренного населения и т.п.).

Применение контент-анализа позволяет выделить некоторые группы повторяемых в очерках Е. Апелевой параметров и учесть их присутствие в каждом из книжных (и одном газетном) очерках. Это дает представление о значимости конкретных впечатлений автора и демонстрирует ее отношение к окружающей действительности.

Для обобщения полученных сведений использован синтез, который позволяет сформулировать общее отношение автора к коренному населению Туркестанского края – его образ.

Исходя из необходимости выявить отсутствие или наличие различия в характеристиках местных жителей Туркестанского края в разное время, применяется компаративный (диахронный) метод.

Выше были приведены примеры использования в работе палеографического метода (установление подлинности автографа) и методики сфрагистики (чтение оттисков штампов на разных языках, в том числе, с учетом специфической графики).

Анализ полученных результатов

Книга Е. И. Апелевой начинается с очерка «Узун-Ада», названного так по первому пункту, в который прибыла Елена Ивановна. Встреча ее с будущим местом службы супруга описана весьма показательно: «"Оставьте всякую надежду!.." – вспомнилась мне надпись на воротах "Ада" Данте, когда пароход, высадив нас на азиатский берег Каспия, сдав груз и приняв новых пассажиров, отошел обратно в Баку»²⁹.

Вряд ли, но можно предположить, что это была домашняя заготовка писательницы. Хотя, не исключено, что в этом вступлении скользит определенная предвзятость автора. Она

²⁸ Работа с историческими источниками и методы исторического исследования: метод. указания для студентов гуманитарного факультета / сост.: Н.В. Киприянова, Е.В. Попова. Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. С. 13.

²⁹ Ардов Е. (Апелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 7.

прибыла в Туркестанский край около 1890 г.³⁰. В это время поселок Узун-Ада напоминал довольно обустроенную деревню³¹, хотя и расположенную в не очень благоприятных для русских климатических условиях. При этом нельзя говорить, что резко континентальный климат и пустынный пейзаж были для нее новыми. Первые десять лет своей жизни³² Е. Апрелева, урожденная Бларамберг, провела в Оренбурге.

Не исключено, что рисуемый автором образ далекого края должен был совпадать с распространенными в обществе представлениями о Средней Азии как о труднодоступной и неудобной для жизни окраине государства.

Не только климатические особенности, но и другие обстоятельства удивляют писательницу. Она замечает тюки хлопка и иранцев-носильщиков («амбалов»), равнодушно отдыхающих под жарким декабрьским солнцем. Даже местный базар рисовал неуютную картину: «Скудный подбор привозных овощей и не менее скудный запас хлеба, лепешек, вяленой рыбы теряется среди грудой наваленных желтеющих и краснеющих персидских апельсинов. Под крытую галерею несколько армянских лавчонок с разными, втридорога продаваемыми, товарами: от дамской шляпки московского изделия и какао Жоржа Бормана до кузнецовской посуды³³ и варшавской обуви включительно»³⁴. Местный хлопок, привозные овощи, хлеб и промышленные товары – вот наглядное выражение экономической политики государства.

Повсюду песок, который может поглотить и «покосившиеся белые мазанки», и домишки «с громкими вывесками “Гостинца Бель-вю”, “Гостиница Париж”»³⁵.

И, конечно, автор вспоминает Европейскую Россию, где ей было более комфортно: «Там холод, там снег и туман... Там люди скучены в каменных городах... Там тесно и тоже жутко... Но там борьба! А где борьба, там и жизнь. А здесь! Меднокожий амбал, покорный, равнодушный... Солнце неизменное, равнодушное, как этот амбал: однообразное, как однообразна эта песчаная пустыня... И жизнь сосредоточивается только в пауке-армянине. Медленно, но успешно растягивает он свою паутину и ловит в нее и чиновника, заброшенного волею судеб на этот постылый берег блюсти интересы государства, и искателя приключения, которого как накипь Россия выбрасывает в свои среднеазиатские владения, и который сходит с

³⁰ Скорее всего, в декабре 1890 г., так как в первом очерке «Узун-Ада» речь идет о декабре, а в очерке «Саиль» автор пишет о событиях, происходивших весной 1891 г. Точно известно, что Е. Апрелева в 1906 г. оказалась в своем имении в Черноморской губернии, а до того в течение 17 лет находилась в Туркестане. В первом очерке говорится о поездке по Закаспийской военной железной дороге. Она была официально открыта в 1891 г., но движение осуществлялось ранее.

³¹ Приложение 3.

³² Ардов // Русские писатели. 1800-1917. С. 103.

³³ Фарфор производства Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М. С. Кузнецова известного, популярного и престижного в Российской империи.

³⁴ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 8–9.

³⁵ Там же. С. 9.

парохода, окрыленный золотой надеждой на быстрое обогащение, а через год – бывает и раньше – возвращается на ту же пристань не только без всякой надежды, но с проклятиями на устах: и другу и недругу он де закажет соваться в эту проклятую Среднюю Азию. Чтоб ей ни дна, ни покрывки!.. Иные из этих рыцарей наживы исчезают, растворяются в необъятных пространствах Туркестана... Иные и впрямь наживаются... Такие попадаются редко, да и их нажива мимолетна...»³⁶.

Приведенный фрагмент показывает не только различия в восприятии автором севера и юга, но и отчасти раскрывает ее политические убеждения. Побывавшая в Дрездене и обучавшаяся какое-то время в Женевском университете, Е. И. Апрелева, судя по всему, причисляла себя к разночинской интеллигенции, а потому ей были чужды тяга к стяжательству, описана еще М. Е. Салтыковым-Щедриным³⁷, и новый капиталистический бизнес. Отсюда и сравнение армянских предпринимателей с пауками, и резкое удивление от высоких цен на европейские товары. При этом некоторое удивление вызывает заведомое знание автором некоторых бытовых особенностей службы туркестанских чиновников. Складывается впечатление, что она прибыла в край с уже готовыми штампами, сформированными представлениями европейцев об азиатских странах, которые известный исследователь Э. Саид назвал ориентализмом³⁸. Тем интереснее проследить возможное изменение взглядов Е. Апрелевой в других очерках. С другой стороны, не исключено, что она просто сгущала краски для того, чтобы привлечь читателей.

Кстати, щедринские мотивы о туркестанских безобразиях и пьянстве звучат в пятом очерке «Солимка»³⁹.

Известно, что ориентализм подмечает цивилизационные различия и на этом строит восприятие Западом Востока. И Е. Апрелева подмечает в небольшом деревянном грязном здании вокзала бухарцев, распивающих шампанское с русскими купцами... Но не тут то было! В бухарские халаты, как оказалось, были одеты приказчики известной московской фирмы.

Наконец подали поезд для следования вглубь Туркестана: «Великую победу одержал над тобой, пустыня, русский человек. Но ты не даром далась ему... Сколько жертв, сколько горя, страданий, отчаяния погребла ты в своих песках. Сколько русской крови впитала ты в себя...»⁴⁰.

³⁶ Там же. 9–10.

³⁷ Первое издание: Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы: Картины нравов. СПб., 1873.

³⁸ Саид Э. В. Ориентализм.

³⁹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 48.

⁴⁰ Там же. С. 14.

Вот и вторая сторона ориентализма – безусловное признание превосходства Запада над Востоком. И, хочется сказать, что автор права. Если бы не было железной дороги, открытой в 1819 г, то не было бы ни поселка, ни хлопка, ни купцов.

Второй очерк «Регистан» – о Самарканде, куда семья Апрелевых приехала из Узун-Ады. Здесь новые туркестанцы встречали Рождество в русском городе по соседству с «туземным» Самаркандом. В центре небольшого очерка соседство двух культур. Но соседство разных планов. Е. Апрелева, описывая свою позднюю прогулку с мужем по улицам русской части города, останавливается на описании увиденного в окнах домика, с которого только что сняли ставни: «Яркий свет заструился на улицу. Невысокая густая арча⁴¹, увешанная пряниками, золочеными орехами и бумажными золотыми и серебряными цепями, горела десятками елочных свечей. Трое или четверо детишек радостно прыгали вокруг арчи... Молодая женщина с ребенком на руках снимала для него с ветки блестящую погремушку, а малютка тянулся ручонками к свечам... Из-за разубранного дерева выступил молодой человек в форме военного врача со скрипкой в руке. Раздались звуки польки. Дети весело закружились; смеясь закружилась с ними молодая женщина с ребенком в руках»⁴².

Это удивление нового порядка писательница сопоставляет с восторгом от свидетельств величия местной истории на Регистане: «Мы стоим перед величавыми памятниками былой культуры, чуждые ей, но не равнодушные к ее красоте, к ее величию... Изю дня в день кишачая у их подножия пестрая невежественная толпа правоверных не ведает, не знает имен гениальных строителей; не знаем их и мы, в изумлении стоящие перед дивными строениями трех медресе... Здесь царит ислам. Здесь все свидетельствует о его мощи, о мощи великого Тимура и его ближайших потомков, которые, во славу Аллаха и его пророка, воздвигли эти ни с чем не сравнимые по красоте памятники...»⁴³.

И снова мы видим характерный для европейцев взгляд на коренных жителей Туркестана как на отсталую толпу, сочетающийся с восторгом перед уникальными памятниками прошлого. Заметим, что в этом же очерке Е. Апрелева упоминает как об отсутствии у местных жителей тяги воровству, что, несомненно, является положительным качеством, так и о пугающем фанатизме дервишей⁴⁴.

Интересен и следующий очерк «Саиль»⁴⁵ в центре которого описание народной игры «козлодрание», состоявшейся на Афросиабе – археологическом центре Самарканда. Для русских гостей было приготовлено самое удобное место и расставлены венские стулья.

⁴¹ Местный древовидный можжевельник.

⁴² Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 18.

⁴³ Там же. С. 20–21.

⁴⁴ В исламе аскет, приверженец суфизма (мистического направления).

⁴⁵ Приложение И.

Параллельно с этим выступали местные артисты, играя на музыкальных инструментах, декламируя и разыгрывая сценки из жизни людей и животных. Где-то танцевали «туземные» мальчишки, выступали борцы, «охотник» охотился на «козочек» (переодетых мальчишек). Всё это сопровождалось угощением: «Под обширной зеленой с красно-желтыми разводами бухарской палаткой было приготовлено туземное угощение. На середине длинного стола, покрытого по-европейски белой скатертью, аппетитно манил своим золотистым видом барашек... Это главное... блюдо окружали груды лепешек и медные круглые подносы с «достарханом»: кишмиш, фисташки, миндаль, халва на бараньем сале и паточные леденцы московского производства. Несколько бутылок местного вина – уступка русским вкусам – довершили приготовленное угощение»⁴⁶.

Неожиданно, что в этом очерке, несмотря на казалось бы не совсем понятные русским способы проведения досуга, мы не видим никакой негативной оценки местного общества. Более того, Е. Апрелева удивляется, что среди толпы коренных жителей «...не доносилось ни единого грубого окрика, ни единой ругани, так как вся многотысячная толпа была поголовно трезвая...»⁴⁷.

С этим очерком связан следующий «Айшэ», в котором рассказывается о том, как коренные жители Туркестана стали устраивать праздники, сочетая русские и местные традиции. Речь в этом очерке идет о свадьбе местной знати. «Русские гости расселись за накрытый стол, а хозяева под шатер не входили, но, стоя вблизи, направляли краткими приказаниями джигитов и наемную русскую прислугу, разносившую кушанья. Шурба, палау, каурдак, испеченный в шкуре барашек сменялись курицей с рисом по-русски, жареными цыплятами, желе, мороженым. Тихий пруд с его зеркальной поверхностью и шаровидные карагачи, под сенью которых пестрела толпа сартов⁴⁸, оглашались мотивами на “Боккаччо”, “Цыганского барона” и “Корневильских колоколов”. На смену усталым музыкантам выступали доул, думбала, визжащая дудка, сопровождаемые пением масхарабазов⁴⁹... Эти тамашы⁵⁰ с русскими гостями и губернатором мало чем разнятся одна от другой...»⁵¹.

Как видим, русский и местный мир в Туркестане шли на сближение, взаимно дополняя друг друга. Однако, не исключено, что всю местную специфику русские продолжали воспринимать как экзотику и один из элементов увеселения. Рассказывая о свадьбе, Апрелева описывает одно из зданий, осмотренное ею на женской половине в доме семьи жениха. Это был дом старшего сына главы семейства, оформленный изнутри у русским стиле – мрамором,

⁴⁶ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 26.

⁴⁷ Там же С. 32.

⁴⁸ Сарты – местные оседлые жители.

⁴⁹ Масхарабазы – артисты

⁵⁰ Тамаша – праздничное мероприятие, событие.

⁵¹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 36–37.

паркетом, драпировками с трюмо, французскими кроватями... Построенный для любимой жены, взятой после смерти ее первого мужа татарина. В той жизни они выходила в свет, бывала с супругом в общественном собрании. А новый муж, так любивший все русское, закрыл ее от людей, замуровал окно в ее комнате. «Какой же истый правоверный сарт, либеральничая во всем прочем до введения ножей и вилок в свой обиход, способен либеральничать в женском вопросе?» – закончила свой очерк Е. Апрелева.

В этих словах новое подтверждение взгляда автора на мир местных жителей как на сферу, нуждающуюся в изменении. Отдельно следует отметить близость автору идей феминизма.

С женским вопросом отчасти связан и следующий очерк «Солимка». В нем автор рассказывает об оформленной по мусульманским законам краже сартом Солимкой красавицы жены своего родственника. Но нам интересен не только этот сюжет, вызвавший у автора негативную оценку. В очерке описаны судьба и дом Солимки, убранство которого было выставлено на аукцион. Еще молодым человеком Солимка стал угождать русским чиновникам. «Где кутеж, дебош, там без Солимки ни на шаг... Палатку раскинуть, палау⁵² сварить, словно по щучьему велению в один миг достать все нужное для импровизированной попойки, – на это Солимка был мастер первой руки... Вообще был малый сообразительный... Не прошло двух-трех лет беспечального житья в лакеях у щедрого, жизнь прожившего барина, как Солимка уже сколотил деньгу и завел торговлю... Только при благосклонном содействии все тех же русских тюря⁵³ из влиятельных он примазался к казенным подрядам... Сначала к маленьким, а потом и к крупным... С русскими тюря в наилучших отношениях... Никто так быстро и просто не умел снабжать деньгами вечно всем и всюду задолжавших тюря»⁵⁴.

Е. Апрелева отмечает негативное влияние русских на местные нравы – поощрение разгула, пьянства, взяточничества и т.п. При этом подчеркивает, что никто местных жителей к этому не понуждал. Они сами тянулись за новыми властями, часто дублируя их образ жизни. Вот описание убранства дома Солимки: «Драпировки на окнах, паркетные полы, цветистые с позолотой обои, олеографии⁵⁵ на стенах, мягкая мебель шелковая и джутовая, люстры, лампы... Все обличало в хозяине если не вкус, то, во всяком случае, погоню за пышностью и европейской или, как здесь выражаются, “российской” обстановкой»⁵⁶.

Очерк «Капитан Наркизов» на первый взгляд выпадает из общего контекста. Действительно, в нем Туркестан и Самарканд выступают лишь фоном, на котором

⁵² Плов.

⁵³ Начальников.

⁵⁴ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 51-52.

⁵⁵ Полиграфическое воспроизведение живописного полотна с тиснением и лакированием, создающим иллюзию подлинности.

⁵⁶ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 50.

разворачивается человеческая драма. Во время пьяной вечеринки один офицер оскорбил другого. И дело даже не в счастливо завершившейся дуэли, а в морали: пьянство – не лучший регулятор человеческих отношений⁵⁷.

Однако Е. Апрелева обличала не только человеческие пороки. Очерк «Туркестанец»⁵⁸ имеет ярко выраженную политическую окраску. Его герой Герман Маврикиевич Зотиков с начала его завоевания служил в Туркестане. Служил исправно, строил карьеру. Считал себя «насаждателем русской культуры» с политическим кредо «Престиж и власть!», под которыми понимал самоуправство и вседозволенность. По его мнению, власть никоим образом не должна допустить падения своего авторитета в глазах коренного населения. А самоуправление, контроль, отчетность, мировой суд и другие нововведения, приходившие из столицы, как считал Зотиков, вели лишь к падению власти. Казалось бы, смена высшего местного начальства должна была непременно вести к изменению отношений власти к местным жителям. Но не тут то было! Проходило совсем немного времени, и петербургский «новатор» превращался в обыкновенного, по мнению Апрелевой, туркестанца, каким его описал М. Салтыков-Щедрин.

Получается, что Е. Апрелева выступала за распространение на Туркестан буржуазных реформ 1860–1870-х гг. и считала, что этот край не должен отличаться от остальной России.

В очерках «Гуримар» и «Три брата» автор дает колоритное описание местной повседневности, упоминая о прежних обычаях набегов на соседей и тяге некоторых местных к контрабанде.

Не обошла Апрелева вниманием и тему любовного треугольника, описав в очерке «Кербалай и Зогра» эпизод из жизни Зогры, которая, будучи замужем за стариком Кербалаем, полюбила молодого и красивого садовника Якуба. Закончилось все тем, что Кербалай едва не убил Якуба, избил Зогру. А спустя несколько месяцев Зогра родила мужу сына. Якуб же не стал судиться с обидчиком. Такова сила традиции.

Уж кто был благодарен русским за появление в Средней Азии, так это местные евреи. С ними прекратились гонения, и евреи получили возможность свободно исповедовать свою веру и торговать. Этому посвящен очерк «Джут-хана»⁵⁹.

В очерке «Голодная степь» автор возвращается к оценке российского цивилизационного влияния в Средней Азии. Но прежде в диалоге двух героев сравнивает идеальный и реальный образы Туркестана.

⁵⁷ Там же. С. 68.

⁵⁸ Там же. С. 69–76.

⁵⁹ Там же. С. 102–110.

«- А вы, поди, тоже фантазировали! Богатый Восток, текинские ковры, шелковые ткани, быстроногие кони, бирюза, воздух слаще меда, жизнь дешевле пареной репы, фонтаны, персики, дыни, виноград и преданные кроткие рабы, готовые за вас распинаться!..

- Да где они, ковры, бирюза, фонтаны... Одна беднота... Рваные халаты на голых телах... Лепешка в обед, лепешка на ужин... Это вот точно... О рабах лучше не говорить... Знаем мы этих рабов... Боятся, канальи⁶⁰, а кафир в их глазах хуже собаки...»⁶¹.

Один герой говорит о прогрессивном значении российского присутствия в Средней Азии: «Клоповники уничтожены... За кражу никому ушей и рук к столбу не пригвозждают... В этом отношении введены даже излишние послабления... Сарт спокойно может обладать своей “маржей”, двумя, тремя, если ему вздумается... Никто ее или их у него не отнимет... Никто баранов его не угонит... Никто виноградника его не вытопчет... Никто с базара, где он занимается надувательством, его не вытурит... Наживайся как знаешь... И он наживается»⁶².

Второй отвечает: «И он наживается... Вся выгода на его стороне... А на моей какая выгода?.. Насаждают для него гражданственность и чувствовать подлую скрытую вражду того самого сарта, узбека, таджика, интересы которого я призван ограждать... Ведь... каждый русский в его глазах кафир, кафир и только кафир...»⁶³.

Выходит, что, по мнению, Е. Апрелевой, в российском чиновничестве не было единства по вопросу о преобразованиях в Средней Азии. Одни считали их долгом и успехом России, а другие полагали, что все преобразования имеют смысл, если они приносят физический эффект преобразователям.

Неоднозначные отношения между русскими и сартами показаны в очерке «Уланка-сартенок»⁶⁴. В нем мы встречаем высоких русских чиновников, с уважением относящихся к представителям местного населения и их вере, а также сартов, часть которых активно и искренне сотрудничала с русскими, видя в них начало лучшей жизни, а другие, выступая консервативными мусульманами, лишь готовы были использовать русских для извлечения выгоды, надеясь на их выход из Средней Азии.

Очерк «Бродячий музыкант»⁶⁵ - колоритный рассказ о вдохновенном народном музыканте, убежденном в том, что с его помощью Аллах изгоняет из больных людей «дивов» и возвращает им радость жизни. Полудетективные житейские истории, не характеризующие как-то особенно среднеазиатскую жизнь, описаны в очерках «На рыбалке»⁶⁶ и «Не подводи»⁶⁷.

⁶⁰ Неверный, русский.

⁶¹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 116.

⁶² Там же. С. 116.

⁶³ Там же. С. 117.

⁶⁴ Там же. С. 123–142.

⁶⁵ Там же. С. 141–151.

⁶⁶ Там же. С. 152–165.

Подобная история описана в очерке «Переселенка», в котором речь идет о семье переселенцев, прибывшей в Самаркандскую область из Центральной России. Здесь наше внимание привлекает начало произведения, где Е. Апрелева описывает впечатление, сложившееся у коренного населения Самарканда о малоземельных крестьянах, приехавших из Воронежской и Тамбовской губерний.

«У сартов тотчас же сложилось такое понятие: русские делятся на три разряда: “тюря” – с ним не только приятно, а и выгодно иметь дело; “сарбаз”⁶⁸ – тоже хороший человек, однако лучше от него держаться подальше; наконец, “мужик” – совсем пустой человек, только побирается и напивается.

- Без сарбаза урусу⁶⁹ никак нельзя быть, но зачем урусу мужик, – спрашивали сарты.

Оборванный продавец лепешек оторопелыми глазами взирал на здоровенного детину в крепком полушубке и смушковой⁷⁰ шапке, который смиренно кланялся в пояс, просил на непонятном языке милостыню, а прислуга с не меньшим изумлением смотрела на гладкую бабу в ватной кофте и красном платке, вымаливающую Христа ради копейку и с ругательством встречающую предложение за высокую плату помыть полы»⁷¹. Е. Апрелева находит оправдание этому явлению: «Действительно, первые переселенцы, неожиданно-негаданно явившиеся зимой в густо населенный округ Самарканда, где каждый клочок орошенной земли использован, обработан, представляли из себя отбросы, ненужные и на родине, а для туземцев непонятное зрелище»⁷².

Очерк «Доктор Каллиник»⁷³ посвящен истории талантливого молодого врача, который, попав на богом забытый пикет, от безысходности становится алкоголиком и кончает жизнь самоубийством. Этот рассказ не связан с описанием образа жизни коренного населения Туркестанского края, с взаимодействием местных жителей и русских, а потому не имеет отношения к проблеме нашего исследования.

Сведения, полученные благодаря контент-анализу⁷⁴, показывают, что Е. Апрелеву в окружавшей ее «туземной» действительности безусловно привлекал местный колорит. При этом она не принимала большинство местных традиций, большая часть которых казались ей противными чувствам и представлениям европейцев. При этом некоторую часть из них, которые она воспринимала в контексте народной искренности и чистоты, считала достойной уважения. Весьма интересно, что положительное влияние российской (европейской)

⁶⁷ Там же. С. 166–175.

⁶⁸ Военный.

⁶⁹ Русскому.

⁷⁰ Смущка – каракуль.

⁷¹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 176.

⁷² Там же. С. 177.

⁷³ Там же. С. 193-211.

⁷⁴ Приложение К.

цивилизации у Е. Апрелевой уравнивалось влиянием отрицательным. При этом она отмечала взаимовлияние двух (европейской и восточной) цивилизаций. В русских людях в Туркестане она видела жажду наживы, пренебрежение к местным и другие негативные проявления. Не обошла вниманием нищету, дороговизну и противодействие реформам, предлагавшимся российской властью. Хотя и не считала важным делать на этом акцент.

Получается, что, в полном согласии с концепцией ориентализма, мы видим в Е. И. Апрелевой представителя европейской цивилизации. Но не ярко выраженного антагониста, а благожелательно настроенного соседа, который хоть и не принимает местное своеобразие, но готов жить рядом с этой чужеродной действительностью в надежде на ее изменение в европейском направлении.

Перейдем к сопоставлению двух текстов одного очерка Е. Апрелевой.

В выпуске газеты «Русские ведомости» от 24 апреля 1896 г. № 112 под псевдонимом Е. Ардов был опубликован очерк «Саиль. Праздник весны», написанный Е. Апрелевой в Самарканде 5 марта того же года⁷⁵.

Для того, чтобы понять, как изменились взгляды автора на коренное население Туркестанского края, надо выделить разночтения в газетном тексте очерка и в тексте, включенном в сборник «Среднеазиатские очерки».

В газетном варианте есть фрагмент, исключенный из текста в сборнике: «Самаркандские извозчики из туземцев не возят, а всегда мчат во всякое время дня и ночи, причем пристяжная отбегает от коренника на целый сажень, и фаэтон катится зигзагами по шоссе, виляя то вправо, то влево. По этой своеобразной упряжке и езде можно еще издали отличить извозчика-сарта от русского»⁷⁶.

В сборнике был опущен газетный фрагмент с описанием Регистана, возможно из-за того, что в нем рассматриваемому очерку предшествует одноименный очерк, достаточно живописно изображающий эту достопримечательность. Итак, было исключено описание Регистана, «охваченного с трех сторон полуразрушенными медресе и мечетями, стройные колонны и купола которых стремятся ввысь, отливая на солнце золотом, лазурью, белизной и чернью своих изумительных изразцов».

Также в сборнике опущена характеристика лошадей, которые вели автора: «наши длинноногие, полуголодные, но ретивые сартские кляченки». Не исключено, что спустя годы Е. Апрелева хотела запечатлеть более благожелательный образ прошлого. Возможно поэтому

⁷⁵ Ардов Е. «Саиль». Праздник весны // Русские ведомости. 24.04.1896. № 122. С. 3.

⁷⁶ Здесь и далее цит. по: Ардов Е. «Саиль». Праздник весны. С. 3.

автор в газете называет масхарабазов шутами, в а сборнике не дает им русского определения, но показывает просто артистами⁷⁷.

В газетном варианте очерка автор так описывает одно из представлений масхарабазов: «Телодвижениями, жестами, ужимками, прыжками, голосом изображали они целые сцены любви, гнева, ссоры, драки из мира животных, изображали на европейский вкус подчас слишком реально, но туземцев этот реализм не смущал, и восторг публики, не прерывающийся хохот и громкое одобрение сопровождали каждое слово, каждый жест масхарабазов». В книжном же тексте ограничивается следующим: «Телодвижениями, жестами, ужимками, прыжками, голосом изображали они целые сцены из мира животных»⁷⁸. То есть Е. Апрелева решила со временем убрать характеристики, которые могли бы не просто смутить российского читателя, но которые подчеркивали цивилизационные различия между ними и коренными жителями Туркестана.

Из текста сборника были исключенные какие-то, ставшие незначительными, подробности. Если в конце XIX в. было важным подчеркнуть лояльность местной администрации российским чиновникам, то в 1920-е гг., когда готовился сборник, это обстоятельство потеряло актуальность. Поэтому следующий текст из газеты не перешел в книгу: «Не доходя до вершины, нас встретил помощник начальника уезда, энергичный, распорядительный г. К, за болезнью начальника уезда исполнявший обязанности хозяина праздника». При этом другие детали, касающиеся самого праздника (быта местных жителей) в тексте очерка, опубликованном в сборнике, сохранились.

Однако хочется отметить одну, возможно существенную, деталь. Описывая холм, на котором были расставлены стулья для русских гостей, Е. Апрелева в газете пишет о том, что они находились «над крутым, ...усеянным сверху донизу туземцами» откосом, а в сборнике, что стулья стояли «на крутом» откосе⁷⁹, усеянном туземцами. Создается впечатление, что некоторая надменность и отстраненность автора спустя годы сменилась инклюзией – включенностью, взаимодействием с коренным население Туркестана.

Другие изменения в книжном тексте связаны лишь со стилистической редакторской правкой.

Итак, если сравнивать Текст очерка «Саиль», опубликованный в газете «Русские ведомости» и в сборнике «Среднеазиатские очерки», то можно сказать, что со временем Е. Апрелева решила смягчить свой взгляд на «туземную» окраину России. Смягчаются ее ориенталистские характеристики – она в меньшей степени противопоставляет две цивилизации,

⁷⁷ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 29.

⁷⁸ Там же. С. 31

⁷⁹ Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. С. 26.

деля акцент именно не на противопоставлении, а на взаимодействии. Не исключено, что такая смена оценок произошла из-за того, что писательница во время подготовки книжного издания сама находилась в эмиграции, на положении представителя нетитульной нации.

Может сложиться впечатление, что в памяти прожившей долгую жизнь женщины остались лучшие впечатления о прошлом. Но, представляется, что дело в другом. Находясь в эмиграции и несомненно тоскуя об ушедшей в прошлое Российской империи, где Е. И. Апрелева имела достойный социальный и имущественный статус, прекрасный круг общения и заметный профессиональный успех, писательница хотела сознательно (или бессознательно) подчеркнуть всё лучшее. Особенно в условиях, когда в Средней Азии Советская власть столкнулась с мощным сопротивлением басмачей. Иными словами, во время империи все были довольны, и антироссийских мятежей не было.

Выводы

Проведенное исследование убеждает, что Е. И. Ардова в своих произведениях выступает с отчасти ориенталистских позиций, создавая у русского читателя образ оседлых жителей туркестанского края как далеких, не совсем понятных европейцу, сохраняющих дикие обычаи, но которые, благодаря благотворному влиянию русских, имеют шанс стать своими в рамках единого государства. Ориенталистский подход Е. Апрелевой нельзя считать классическим, так она не считает коренное население совершенно чуждым трансформации, напротив, подчеркивает благотворность их взаимодействия с русскими и некоторые положительные черты их образа жизни.

Спустя годы, после падения Российской империи, она занимает близкую к ориенталистской постколониалистскую позицию (в смысле, приведенном на с. 6). В то время, когда зависимый статус российской периферии был ликвидирован, Е. Ардова вспоминает о прошлом, значительно смягчая те характеристики, которые она прежде давала местным жителям. Империя в ее глазах, как представляется, выступает не столько безусловным благом, сколько патроном, который, не обращая внимания на острые углы, готов был жить в согласии с сартами.

Список источников и литературы

Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. Шанхай: тип. издат. Слово. 220 с.

Апрелева Елена Ивановна (Ардов Е.). – Режим доступа: <https://russianemigrant.ru/book-author/apreleva-elena-ivanovna-ardov-e>.

Васильев Д. В. Центрально-Азиатский регион Российской империи: общность внутренней политики через идентичность законодательной практики // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 147-156.

Васильев Д. В. Классический пример ориентализма. Мемуары К. К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в Туркестанском крае // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4 (28). С. 87-100.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия, Живопись XVIII-XX веков. Т. 4, кн. 2: Живопись второй половины XIX века. Н-Я. М.: Красная площадь, 2006. 559 с.

Зильберштейн И. Утраченные портреты писателей работы Репина. Огонек. 1950. № 40.

Илья Репин. / Гос. Третьяковская галерея. М., 2019. 592 с.

Каталог выставки картин, портретов, эскизов и этюдов И.Е. Репина в 1891 г. СПб., 1891. Ардов. 5 с.

Ковтунова Ю. Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 91-93.

Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.

Пономарев Е. Р. Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/.

Работа с историческими источниками и методы исторического исследования: метод. указания для студентов гуманитарного факультета / сост.: Н.В. Киприянова, Е.В. Попова. Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. 16 с.

Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе: каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. Ч. 1 - Москва: Пашков дом, 2015. 213 с.

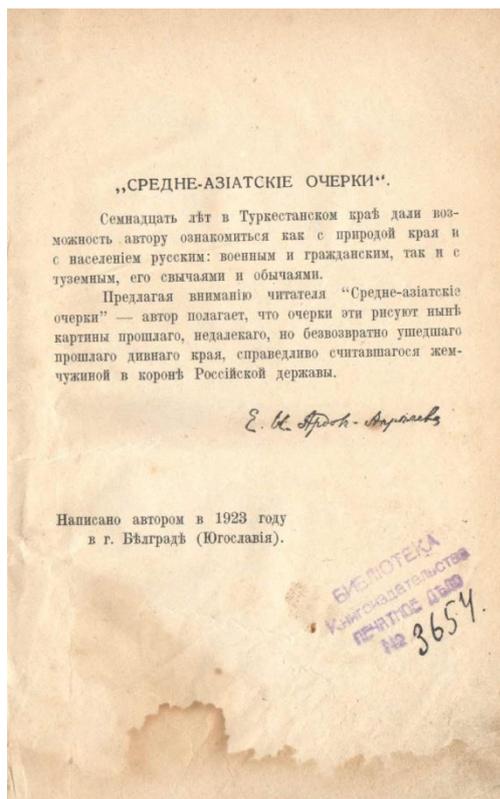
Русские ведомости. М., 1893; 1894; 1895; 1896; 1905.

Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1: А – Г. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. 672 с.

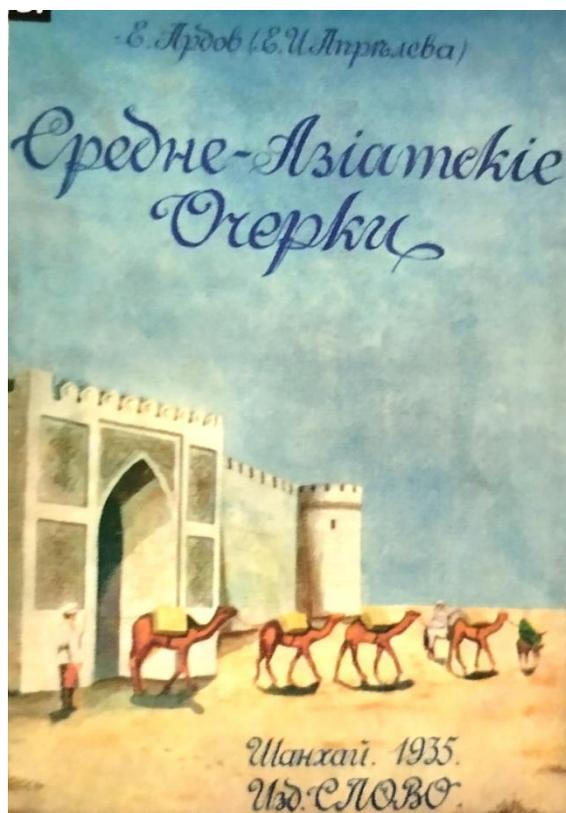
Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы: Картины нравов. СПб., 1873. 324 с.

Lützel Paul Michael. From Postmodernism to Postcolonialism. On the Interrelation of the Discourses [перевод]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.be384d9d-65815726-ebd8c84e-74722d776562/https/www.inst.at/trans/11Nr/luetzeler11.htm.

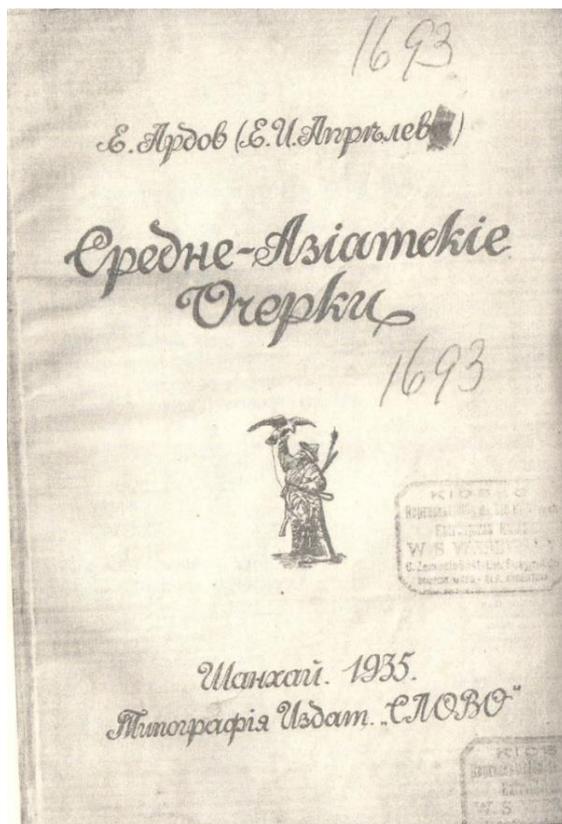

Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. Шанхай: тип. издат. Слово. С. 5

Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе: каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. Ч. 1 - Москва: Пашков дом, 2015. Вклейка

Приложение Е

Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. Шанхай: тип. издат. Слово.
Титульный лист.

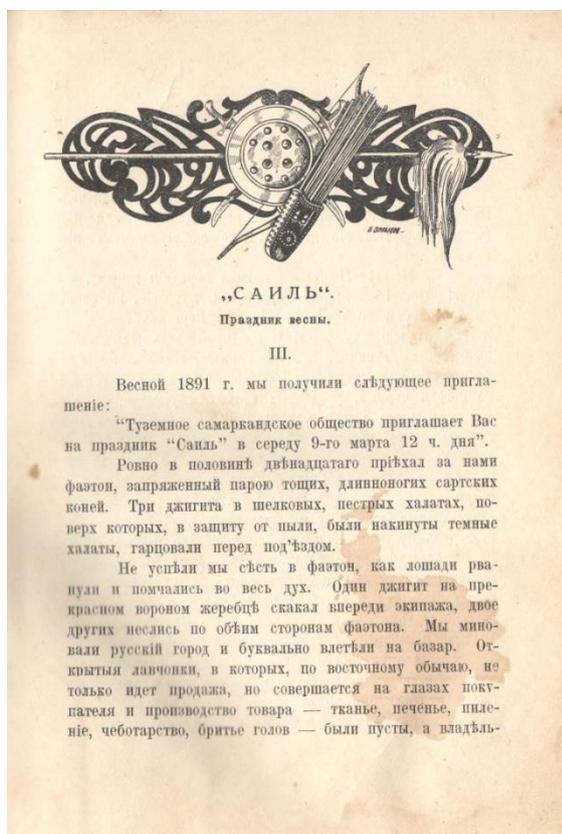
Приложение Ж

Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1: А – Г. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 103

Ермаков Д. И. Посёлок Узун-ада. Ермаков Д.И. Конец 1880-х - начало 1890-х гг. Фотография // ГМИ. – Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2304638>.

Ардов Е. (Апрелева Е. И.) Среднеазиатские очерки. Шанхай: тип. издат. Слово. С. 23

		против реформ	привлекательны колорит	особенности климата	пренебрежение к местным жителям	нищета	дороговизна	нажива	недостатки чиновников	положительное влияние русских	отрицательное влияние русских	взаимодействие	положительная оценка традиций	отрицательная оценка традиций
1	Узун-Ада			1	1	1	1	1	1	1	1	1		
2	Регистан		1		1							1	1	1
3	Саиль		1							1		1	1	1
4	Айшэ									1		1		1
5	Солимка							1			1			
6	Капитан Наркизов													
7	Туркестанец	1						1	1					
8	Гуримар		1											1
9	Три брата		1											
10	Кербалай и Зогра		1											1
11	Джугут-хана		1								1			
12	Голодная степь		1	1						1				
13	Уланка-сартенок											1		
14	Бродячий музыкант		1										1	
15	Не подводи													
16	Переселенка										1			
	Итог	1	8	2	2	1	1	3	2	4	4	5	3	5